

УДК 821.161.1(091)(09)
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-169-178
<https://elibrary.ru/yyhfft>

EDN YYHFFT

«Слово Даниила Заточника»: проблемы изучения и пути их решения

Сыромятников Олег Иванович

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. pani_perm@list.ru

SPIN-код: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Статья поступила в редакцию 01.04.2024

Одобрена после рецензирования 05.09.2024

Принята к публикации 07.09.2024

Информация для цитирования

Сыромятников О. И. «Слово Даниила Заточника»: проблемы изучения и пути их решения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 169–178. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-169-178

Аннотация. В статье исследуются основные проблемы изучения памятника русской литературы конца XII – начала XIII века – «Слова Даниила Заточника». Его следует отличать от близкого по содержанию «Моления Даниила Заточника», которое принято считать поздней переработкой «Слова». Вплоть до XVI в. оба памятника пользовались большой популярностью и были распространены во множестве списков.

Изучение «Слова» началось в XIX в., и тогда же был выявлен ряд проблем: невозможно однозначно установить, где и когда оно написано, кем были его автор и адресат. Важную проблему образуют многочисленные смысловые противоречия, при которых одно суждение отменяется другим. Принято считать, что причиной этих противоречий являются поздние вставки в первоначальный текст. Неизвестно, кем, когда и зачем они делались, однако благодаря им есть все основания говорить о том, что у известного нам варианта «Слова» был не один, а минимум два автора – первый написал послание князю, а второй его отредактировал. Особую проблему образует нехарактерное для эпохи «Слова» совмещение цитат из Священного Писания с фольклорными элементами и открытое противопоставление некоторых идей автора христианскому учению.

По мнению автора статьи, вставки имели комментирующий характер и делались с целью подчеркнуть такие черты автора протографа «Слова», как гордость, тщеславие и рационализм. При этом редактор протографа относился к его автору не как к частному лицу, а как к представителю зарождающегося духовно-нравственного типа, существенно отличающегося от норм христианской жизни. Для решения выявленных проблем автор статьи предлагает использовать ресурсы фидеистического литературоведения, что позволит рассмотреть «Слово» в религиозно-социальном аспекте, а также проследить его связи с другими памятниками литературы указанного периода.

Ключевые слова: русская литература XII–XIII вв.; «Слово/Моление Даниила Заточника»; Священное Писание; фидеистическое литературоведение; проблема автора; духовно-нравственный тип.

«Слово Даниила Заточника» является одним из самых сложных для изучения памятников древнерусской литературы как в силу своей уникальности, так и по причине отсутствия сведений, указывающих на его автора, адресата, время и место создания. Еще больше проблем создает множество ярких, бросающихся в глаза противоречий, относящихся и к форме, и к содержанию «Слова». Достоверно известно лишь то, что это произведение домонгольского периода, распространенное на Руси с XIII по XVI в. во множестве списков. Они имели разные названия («Слово», «Моление», «Послание», «Написание»), в которых иногда упоминалось имя некоего «Даниила». Наиболее известны «Слово», адресованное, предположительно, новгородскому князю Ярославу Владимировичу (кн. с 1182 по 1199 г.), и «Моление», адресованное, также предположительно, переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу (кн. с 1213 по 1236 г.)» [О, Русская земля! 1982: 336]. Их содержание различается настолько, что позволяет одним исследователям относиться к «Слову» и к «Молению» как к двум редакциям одного текста [Обнорский 1946: 125–129], а другим – утверждать, что они принадлежат «различным авторам и различным эпохам» [Тихомиров 1968: 163]. По словам Л. В. Соколовой, «спорным является также вопрос о взаимоотношении и датировке “Слова” и “Моления”. Одни ученые считают первичным “Слово”, датируя его XII в., другие – “Моление”, датируя его XIII в.» [Соколова 1997: 635]. Таким образом, «несмотря на обширную литературу с аргументацией обеих точек зрения, вопрос, что первично – “Слово” или “Моление”, остается открытым. Решение этого вопроса затрудняется тем, что все списки произведения (в настоящее время их известно 19) сильно варьируют текст памятника: каждый переписчик вносил в переписываемый текст свои изменения и дополнения» [История... 1985: 137].

О большой популярности «Слова» говорят то, замечают исследователи, что «некоторые афоризмы Заточника вошли в древнерусскую книжность, в частности, в сборники сентенций, известные под названием “Пчела”. Само “Моление” помещалось нередко в сборники учительного характера наряду с творениями признанных авторитетов» [Громов, Козлов 1990: 90]. Отражения этого произведения можно найти и в летописании последующих веков. Так, в Троицкой летописи XV в., в Московском летописном своде конца XV в., а также в Никоновской и Семеновской летописях XVI в. говорится о священнике, которого сослали в заточение на озеро Лача, «идѣ же бѣ Данило Заточеникъ» [Московский летописный свод 1949: 200]. А. Н. Ужанков за-

мечает, что в Семеновском летописце под 1379 г. содержится цитата из «Слова»: «Добро есть надеяться на Бога, нежели надеяться на князя» [Ужанков 2024]. По мнению Д. С. Лихачева, «упоминание имени Даниила в летописи восходит к “Слову” или “Молению” и свидетельствует лишь о популярности данного произведения в Др. Руси» [История... 1985: 137]. А. Н. Ужанков указывает также, что Даниил Заточник был известен и в народных преданиях под именем «Даниила Бесчастного», не заслужившего у князя «ни хлеба мягкого, ни слова сладкого» [Ужанков 2024].

Полагаем, широкая известность «Слова» была обусловлена не только яркой образностью и эмоциональностью языка, его близостью к живой народной речи, но и проблематикой – поднимаемые в нем вопросы были близки и понятны многим читателям XIII–XVI вв. Народное сознание этого времени было христианским, православным, следовательно, и письменность, порожденная этим сознанием, была христианской по содержанию, то есть выражала идеи и образы христианства понятным читателю языком. Об основной цели христианской письменности ясно сказал митр. Иларион Киевский: «... како въ челоуѣцѣхъ сихъ ново познавшихъ Господа законъ уставити» [Слово о законе и благодати 1997: 48] – то есть научить людей, принявших крещение, жить по-христиански.

Это создает важную методологическую проблему – исследователь подобных артефактов должен знать христианское вероучение и владеть навыками исследования христианской литературы, основанными на экзегетических принципах изучения текстов Священного Писания и святоотеческой письменности. Речь идет о синергичном взаимодействии филологических и богословских ресурсов изучения текста – фидеистического (а применительно к нашей теме – православного) литературоведения¹.

Для современного исследователя проблемой является и то, что в текстах домонгольского периода слова не отделялись друг от друга пробелами, а церковнославянская лексика (имена Бога, Христа, Богородицы, ангелов и замещающие их местоимения) не выделялась прописными буквами. Не было и деления на абзацы (строфы), как это сделано в поздних списках и переводах «Слова», когда переводчик по собственному разумению определял семантические границы тех или иных фрагментов текста.

И наконец, важнейшую проблему создает характерная особенность «Слова», выделяющая его среди других памятников древнерусской письменности, – огромное количество противоречий, относящихся к содержанию: логических и идей-

ных, мягких и антагонистичных. Не имея возможности проанализировать каждое из них, остановимся лишь на наиболее ярких, имеющих, на наш взгляд, явно демонстративный характер.

Первое противоречие связано с видимой (внешней) идеей «Слова»: некто, названный в заглавии Даниилом, обращается к некоему князю с просьбой избавить его от нищеты, однако не называет себя по имени, не определяет своего социального статуса и места жительства, не сообщает о причинах своего бедственного положения и никак не конкретизирует свою просьбу, по форме напоминаящую не столько обычную челобитную холопа князю, сколько молитву (отсюда и название некоторых списков – «Моление»): «Помилуй мя, сыне великаго царя Владимира», «Княже мой, господине! Избави мя от нищеты сея» (Слово...: 272) и т. д. Для достижения своей цели Даниил нередко прибегает к открытой, грубой лести: «Княже мой, господине! Яви ми зракъ лица своего, Яко гласъ твой сладокъ, и образ твой красень; Мед истачають устнѣ твои, и послание твое – аки рай с плодом» (Слово...: 274) и т. д. И вдруг после этого заявляет: «Не имѣй собѣ двора близъ царева двора И не дрѣжи села близъ княжа села: Тивунъ бо его – аки огонь, трепетицею накладень, И рядовичи его – аки искры. Аще от огня устережешися, Но от искорь не можеша устеречися. И сождения портъ» (там же: 276).

Несомненно, что подобный пассаж мог лишь разгневать князя, который сразу узнал в словах Даниила то, что постоянно слышал во время богослужений в храме – слова из 143-го псалма, поющиеся на втором антифоне литургии св. Иоанна Златоуста: «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения» (Пс. 143,3). Еще большее его раздражение должен был вызвать следующий совет Даниила: «...княже, не въздержи злата, ни сребра, Но раздавай людям» (Слово...: 274), ведь если бы он воспользовался этим советом, то поменялся бы с Даниилом местами, став нищим. Так возникает противоречие, неоднократно отмеченное исследователями: Даниил относится к князю, от которого, казалось бы, зависит его будущее, без какого-либо уважения, а порой и снисходительно-небрежно, явно считая его глупее себя. Очевидно, что подобным образом Даниил не только не смог бы решить своих проблем, но еще больше усугубил бы их.

Учитывая религиозный характер эпохи, в которой создавалось «Слово», остановимся более подробно на противоречиях, касающихся христианской идеологии. Д. С. Лихачев пишет: «Слово “господин” заменило “Господа” псалмов здесь (в зачале. – О. С.) и во многих других слу-

чаях в “Молении” Даниила: “Тем, господине, приклони ухо твое во глаголы уст моих и от всех скорбей моих избави мя”, “Княже мой, господине! Не возри на внешняя моя, но возри внутреняя моя”. Даниил пародирует даже слова разбойника ко Христу. Он пишет: “Княже мой, господине! Помяни мя во княжении своем”. Церковное значение слова “раб” (в смысле “раб Божий”) Даниил обращает в буквальное юридическое понятие “раба” – холопа. Он пишет: “Яко аз раб твой и сын рабы твоя”, переиначивая слова псалма 65, стих 7: “О господи, аз раб Твой, и сын рабыни Твоя”. Библейские образы постоянно употребляются Даниилом всё с тем же оттенком легкой пародии» [Лихачев 1979: 253].

Обратим внимание еще на один весьма значимый фрагмент. Даниил пишет: «Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, А при напасти аки врази обрѣтаются И паки помагающе подразити нози мои; Очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся» (Слово...: 270). Эти слова являются явной аллюзией к евангельскому сюжету о Тайной вечере: «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» (Мф. 26:20-23). С точки зрения христианского вероучения подобное неправомерное сближение является абсолютно недопустимым.

Христианство считает всех людей (без различия национальности, возраста и социального статуса) детьми одного Небесного Отца, поэтому сам Христос, апостолы и христиане всех последующих веков называли и называют друг друга братьями. Они помнят главный завет своего Учителя: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37-39). Однако Даниил провозглашает нечто прямо противоположное: «Не ими другу вѣры, ни надѣйся на брата» («Слово...: 270), а затем нарушает еще одну важнейшую заповедь Христа, сказавшего: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7:1-2). Даниил же не просто осуждает своих ближних, а желает им зла и даже проклинает: «Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на ея ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаетъ, то дай Богъ ему трясею болѣти, да будетъ проклят» (Слово...: 280).

Говоря об искажениях в «Слове» текстов Священного Писания, Н. Н. Бедина пишет: «В книжной культуре Древней Руси сакральные тексты <...> не были неприкосновенны, однако все изменения, вносимые древнерусскими книжниками в лексическую или стилистическую ткань оригинала, ни в коей мере не касались его смыслового уровня. В “Слове...” же содержание оригинала цитирования (в цитатах как абсолютных, так и неточных) диаметрально противоположно содержанию произведения псевдо-Даниила» [Бедина 2019: 103]. Более того, замечает А. Н. Василенко, в тексте «происходит своеобразная подмена смысла, образов», подтверждением чего «являются и многочисленные прямые сравнения князя с Творцом: “Возри на птица небесныя, Яко тии не орють, ни сѣють, но уповають на милость Божию; Тако и мы, господине, желаем милости твоея”. <...> Дар князя Даниил сопоставляет с “плодом райским”. Особенно очевидным сравнением является переложение 41-го псалма Давида: “Имже образом желает елень источника водного: сице желает душа моя к Тебе, Боже” (Пс.: 41), который у Даниила Заточника звучит как “Токмо аз един жадаю милости твоея, аки елень источника водного”» [Василенко 2011: 6]. Подобные примеры можно продолжать и далее. В своей совокупности они обнаруживают религиозный нигилизм Даниила, приспособляющего идеи и образы Священного Писания к своим целям.

Яркие, бросающиеся в глаза противоречия привлекали внимание и требовали объяснений, в поисках которых исследователи обращались к личности автора «Слова». Основные подходы к ее пониманию еще в 1932 г. собрал Н. Н. Зарубин [Зарубин 1932: II]. Обобщая их и новые научные данные, Д. С. Лихачев писал: «Неясна <...> и сама личность Даниила: одни из исследователей считают его дворянином, другие – дружинником князя, третьи – холопом, четвертые – ремесленником. Говорилось и о том, что Даниил вообще не имел устойчивого социального положения» [Лихачев 1980: 688]. Сегодня к этим вариантам можно добавить и другие: Даниил был «членом младшей княжеской дружины» [Модестов 1880: 178]; сыном княжеской рабыни, вероятно, дворянином, удаленным от князя [Буслаев 1861: 94]; «вором» [Шевырев 1846: 213]; мастером золотых и серебряных дел [Тихомиров 1954: 19]; «мелким землевладельцем, разоренным княжескими рядовичами» [Рыбаков 1984: 159]; «струсившим во время битвы воином» [Гуссов 1949: 413]; «любимым княжеским шутком – скоморохом» [Воронин 1967: 71] или «только учился у скоморохов, на сам скоморохом не был» [Лихачев 1954: 118], «принадлежал к младшей

княжеской дружине или был членом княжеской канцелярии» [Семенюк 2015: 18] и т. д. По словам Д. С. Лихачева, «не решен вопрос и о том, был ли Даниил заключен, был ли Даниил один или было двое Даниилов; наконец, есть и такая точка зрения, что за произведением этим вообще нет реальной основы, что Даниил – это чисто литературный образ» [Лихачев 1980: 688]. Говорится также, что «неясно и само слово “заточник”: оно может иметь значение и “заключенный” и “заложившийся”» [История... 1985: 137].

Многие исследователи склоняются к мысли о том, что причиной появления указанных противоречий являются поздние вставки и «редакторские» правки протографа «Слова». Так, Л. В. Соколова утверждает, что «Даниил Заточник создавал свое произведение по всем правилам эпистолярного жанра», тщательно продумывая композицию и все элементы текста [Соколова 1993: 231]. По ее словам, «в дошедшем до нас виде “Слова” первоначальный текст, как это часто бывало в рукописной традиции, значительно расширен позднейшими вставками... <...> В результате вставок была утрачена композиционная стройность и стилистическая однородность текста, нарушена его ритмико-строфическая организация, наряду с книжной лексикой появилась бытовая лексика “мирских притч”, скоморошин. Текст перестал быть посланием, превратившись в произведение другого жанра» [Соколова 1997: 635–636].

Вставки, вероятно, были², но важно понять, зачем (и тогда станет ясно – кем) они делались. М. О. Скрипиль видит причину их появления «в механической ошибке переписчика протографа списков “Слова”» [Скрипиль 1955: 80]. Однако так можно объяснить одну-две, но никак не *систему* противоречий, наличествующих в «Слове». Полагаем, следует согласиться с мыслью Н. Н. Бединой о том, что необходимо «говорить о сознательном *составлении* (курсив наш. – О. С.) текста “Слова”...» [Бедина 2019: 104]. Действительно, невозможно представить, чтобы вставки делались «просто так», безо всякой цели или для того, чтобы ухудшить, испортить первоначальный текст. Это было невозможно по ряду причин: во-первых, произведения древнерусской литературы не были актами самовыражения, а создавались по благословению епископа или князя. Во-вторых, для древнерусского книжника ложь, «открытый вымысел» был абсолютно недопустим [Лихачев 1986: 8]. В-третьих, материал для письма стоил очень дорого, как дорого обходились переписчикам и допущенные ими ошибки. Скорее, можно предположить, что причиной поздних вставок было желание уточнить какие-либо упоминавшиеся в первоначальном тексте

события на основании новых сведений о них, а также выразить свое отношение к ним.

Очевидно одно – нагромождение противоречий, некоторые из которых имеют явно демонстративный, привлекающий внимание характер, лишает обращение Даниила к князю какого-либо смысла и указывает на существование в окончательном тексте «Слова» некой внутренней идеи, намеренно привнесенной в него неизвестным «редактором». Впервые об этом зашла речь, указывает М. О. Скрипиль, в исследованиях конца XIX в., когда «складывается мнение о произведении Даниила не как о личном “послании” или “молении”, а как о литературном произведении, автор которого высказал определенные взгляды...» [Скрипиль 1955: 92]. О существовании в этом произведении «второй семантики» (Хализев) говорили и другие исследователи. Так, по словам Л. В. Соколовой, «чтобы в полном объеме уяснить содержание сочинения Даниила Заточника, необходимо не только выявить второй, скрытый смысл цитат, имеющий непосредственное отношение к судьбе Даниила, но также раскрыть смысл иносказательных метафоро-символических выражений» [Соколова 1993: 231].

По нашему мнению, само наличие вставок дает основание говорить о том, что у этого произведения было минимум два автора – один написал послание к князю, а другой сопроводил его своими комментариями (вставками) и придал законченную художественную форму. Л. В. Соколова замечает, что подобные «фиктивные, литературные письма не были редкостью» в Византии [там же: 241]. Более того, утверждают Х. Бирнбаум и Р. Романчук, «если снять весь слой цитат (допускаем, что здесь есть и до сих пор неизвестные источники), возможно, что никакой “литературной личности” и не осталось бы». Исследователи полагают, что «Даниил» – «фиктивное имя» [Бирнбаум, Романчук 1996: 584, 593], однако, на наш взгляд, более правильно считать его нарицательным, не называющим конкретного человека, а обозначающим представителя определенного духовно-нравственного типа.

Единое православное мировоззрение позволило переписчикам «Слова» сохранить идею, привнесенную в него неизвестным «редактором»³, придавая ей актуальность и злободневность в соответствии с новыми историческими реалиями путем частичного изменения формы. Д. С. Лихачев писал об этом: «“Моление” не только читалось и переписывалось – оно постоянно перерабатывалось, дополнялось, из него делались выборки, оно жило, творилось в течение ряда веков. При этом удивительно следующее: всякий из его соавторов умел попадать в стиль “Моления” и не расходиться с его идеологией. Вновь

дописанное или переработанное почти не отличалось по своему характеру от основной части, точно стиль, в котором было написано “Моление”, был хорошо знаком всем, кто так или иначе „вмешивался” в работу автора этого произведения. “Моление” ценилось и за свою идейную направленность, и за свой стиль. Во всех редакциях оно оставалось тем же самым, отличалось выработанностью, устойчивостью формы. При чтении “Моления” остается такое ощущение, точно оно написано в хорошо знакомой в Древней Руси манере, продолжает какую-то традицию, тесно связанную с русской жизнью. Безвестные соавторы и “редакторы” “Моления” отлично ощущали тот стиль, ту манеру, ту идейную направленность, в которой было оно написано, ценили их и стремились их не нарушить» [Лихачев 1954: 106]. С этим согласен и современный исследователь, утверждающий, что в Средневековье «архаическое творчество зиждется на традиции, каноне, прецеденте, поэтике “готового слова”, а ретроспективная историческая аналогия – один из важнейших принципов культуры эпохи. Словом, закономерное тут почти не оставляет места случайному» [Пауткин 2014: 57]. Понять «традицию», «идейную направленность», «идеологию» литературного произведения – важнейшая задача филологического исследования, но решить ее можно, лишь глубоко погрузившись в религиозный и социальный контекст эпохи его создания.

Необходимо обратить внимание на некоторые особенности формы «Слова». Его композиция традиционна для многих памятников древнерусской литературы: *зачало* и *завершение*, принадлежащие настоящему автору, а также *основная часть*, состоящая из оригинального послания Даниила и позднейших вставок. Все элементы текста выверены и «работают» на максимально полное раскрытие идеи настоящего автора, но основное значение имеет *зачало*. По словам М. О. Скрипиля, оно «является ключом ко всему “Слову”. <...> Через авторскую самохарактеристику, данную в нем, мы проникаем во внутренний мир писателя...» [Скрипиль 1955: 80]. *Зачало* состоит из нескольких частей, выражающих наиболее важные для автора мысли. В первой части он определяет свою методологию и тем самым действительно дает читателю ключ к пониманию всего, сказанного ниже: «Въструбимъ, яко во златокovanja трубы, в разумъ ума своего И начнемъ бити в сребреня органы возвития мудрости своеа» (Слово...: 268).

Настоящий автор призывает читателей («въструбимъ») использовать *разум* как средство деятельности *ума*, привлекая для этого все достижения («возвития») своей *мудрости*. Заме-

тим, что семантическое разделение этих интеллектуальных понятий было существенным для русской литературы вплоть до конца XIX в. В словаре В. И. Даля читаем: «Разум – духовная сила, могущая помнить (постигать, познавать), судить (соображать, применять, сравнивать) и заключать (решать, выводить следствие); способность верного последовательного сцепления мыслей, от причины, следствий ее и до цели, конца. <...> Дух человека двуполовинчат: ум и воля; ум – самое общее, а в первом значении самое высокое значение первой половины духа, способное к отвлеченным понятиям; разум, которому можно подчинить: понимание, память, соображение, рассудок, разумение, суждение, заключение и пр. ближе подходит к смыслу, рассудку, применяясь к обиходному и насущному» [Даль 1996. Т. IV: 53]. Под мудростью там же понимается «соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшее состояние умственного и нравственного совершенства» [Даль 1996. Т. II: 355]. Это значит, что «Слово» отнюдь не является шуточным, скоморошеским, развлекательным произведением. Напротив, оно представляет собой интеллектуальное сочинение, требующее от читателей немалых мыслительных усилий.

Далее настоящий автор предупреждает, что будет выражать свои мысли не прямо, а особым образом: «Да разверзу въ притчах гадания моя» (Слово...: 268). Подобный способ изложения использовался в Священном Писании, христианской литературе и фольклоре в тех случаях, когда автору было необходимо провести свою мысль через эстетическую сферу личности реципиента, чтобы заставить его прочувствовать, пережить ее. В результате мысль принимала форму яркого эмоционального образа, который легко ассимилировался сознанием и воспринимался уже почти как свой собственный.

Призыв «вострубим в трубы» и «начнем бить в органы (то есть в инструменты. – О. С.)» напоминает тревогу, набат. «Этим началом, – пишет Д. С. Лихачев, – автор как бы зазывает к себе слушателей – именно слушателей, так как в его произведении отчетливо чувствуется непосредственное к ним обращение» [Лихачев 1979: 247]. Более того, по наблюдению Х. Бирнбаума и Р. Романчука, «автор на самом деле обращается к группе людей, к которой и сам принадлежит» [Бирнбаум, Романчук 1996: 579], то есть к христианам, и потому обращался к хорошо знакомым им идеям и образам Священного Писания. Он хочет обратить внимание христианского общества на какую-то насущную проблему, призывая привлечь для ее решения не только средства разума и ума, но всё богатство духовной

мудрости. А поскольку, замечает А. А. Пауткин, «всякая последовательность творческих актов в средние века не личностна, а корпоративна» [Пауткин 2014: 57], то автор старается мобилизовать и весь свой талант: «Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех!» (Слово...: 268).

Древнерусский книжник и вообще любой христианин относился к таланту не как к своей собственности, а как к поручению Бога, которое нужно исполнить наилучшим образом. Настоящий автор знает, что у него есть талант: «Бысть языкъ мой – трость книжника-скоростисца, И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость» (Слово...: 268). Поэтому он решается сказать о давно наболевшем «и навсегда освободиться от того, что тяготит и гнетет его» [Соколова 1997: 636]. Для этого он использует известный образ из 136-го псалма: «Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего И разбих злѣ, аки древняя – младенца о камень» (Слово...: 268). По этому поводу М. О. Скрипиль замечает: «...автора побудило написать “Слово” твердое желание освободиться от чувств и мыслей, волновавших его, <...> внутреннее побуждение, определенный строй идей и чувств». Самое главное для него «в том, чтобы отстоять волнующие его мысли...», потому что он «хотел написать обо всем том, что стесняло, отягощало его сердце...» [Скрипиль 1955: 77, 78, 80].

О том, что им двигал не какой-то личный мотив, а общественная необходимость, говорит один из вариантов позднейшей редакции: «Въструбимъ <...>, да въсплещем вас, душеполезныя помысли»⁴. На духовный характер поднимаемой проблемы указывает то, что автор решительно становится рядом с царем Давидом, и, подобно тому, как тот обращался к Богу под звучание Псалтири в руках, берет в руки гусли: «Востану рано, исповѣмъ Ти ся» (Слово...: 268). Настоящий автор намекает, что поднимаемая им проблема касается не только русского, но и других христианских народов: «И провѣщаю въ языцѣх славу мою» (там же).

Однако, начиная работу, он всё же не уверен, что сможет исполнить ее достаточно хорошо: «Но боюся, Господине, похуления Твоего на мя» (Слово...: 268). Это опасение связано с трудностью, с которой сталкиваются все писатели, решающиеся говорить о духовных явлениях или предметах, – в обычном человеческом языке нет средств для их описания. Пожалуй, одним из первых об этом сказал ап. Павел: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и

слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:2-4). По мнению А. М. Камчатнова, «мир в сознании древнерусского автора раздваивается: одна его сторона видима (воплощена), другая невидима (безобразна). Невидимый мир также двупостасен. На первом уровне находится то, что можно “отвлечь” и “схватить” при помощи мысли и выразить в понятии. Ко второму, высочайшему, относятся сущности потаенные. Ими наш ум не в силах овладеть. Смысл их не созерцается, а прозревается, угадывается в символах» [Камчатнов 1995: 39]. Кроме придания обычным речевым средствам символического значения есть и другой путь – использование приточного, иносказательного языка. Его и избрал настоящий автор «Слова».

Несомненно, что перед началом работы он исполнил всё, что требовалось христианской традицией, – попустился, исповедался, причастился и получил благословение. Однако ему кажется, что он еще не достиг необходимого для работы духовного состояния: «Азь бо есмь аки она смоковница проклятая: Не имѣю плода покаянью» (Слово...: 268). Поэтому он продолжает каяться, обращаясь к небесному Владыке: «Имѣю бо сердце – аки лице безъ очию, И бысть умъ мой – аки ночный врань на нырищи. Забдѣх – и распыся животь мой, аки ханаонскыи царь, буестию; И покры мя нишета, аки Чермное море фараона» (там же). В смиренном осознании своего недостойнства настоящий автор в какой-то момент даже готов отказаться от задуманного: «Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества⁵ моего, Аки Агарь рабыни от Сарры, госпожа своя» (там же). Но в конце концов он всё же решается начать работу, обратившись за духовной помощью к Господу: «Но видих, Господине, Твое добросердие к собѣ И притекох къ обычной Твоей любви. Глаголетъ бо въ Писании: Просящему у тебе дай, толкущему отверзи, Да не лишень будещи Царствия Небеснаго» (Слово...: 268, 270). Упованием на помощь Бога и оканчивается зачало: «Писано бо есть: Возверзи на Господа печаль свою, И Той тя препитаеть въ вѣки» (Слово...: 270).

Главный вопрос, на который следует найти ответ, – какая «печаль», долгое время остававшаяся «узами сердца», заставила автора взяться за его труд. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо: во-первых, погрузиться в религиозный и социальный контекст эпохи создания «Слова»; во-вторых, увидеть интертекстуальные связи этого произведения с другими памятниками древнерусской словесности; в-третьих, следуя характеру вставок, определить их цель; в-четвертых, на основании текста и данных, полученных на предварительных этапах исследования,

предпринять литературно-историческую реконструкцию, позволяющую в целостности представить цель и процесс создания окончательного текста «Слова».

Примечания

¹ Его основные принципы изложены нами в работе: [Сыромятников 2022: 383–420].

² Л. В. Соколова обнаружила «девять вставок в <...> первоначальный текст» [Соколова 1993: 242]. На наш взгляд, их намного больше.

³ В дальнейшем мы будем называть его «настоящим автором».

⁴ Цит. по: [Бирнбаум, Романчук 1996: 580].

⁵ Это слово переводчики переводят по-разному: Д. С. Лихачев: «бедность», Л. В. Соколова: «убожество», А. Н. Ужанков: «проступок». Мы присоединяемся к мнению М. О. Скрипиля, утверждающего, что «...здесь речь идет об его л и т е р а т у р н о м труде, – его “художестве”» [Скрипиль 1955: 79].

Список источников

Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука. 1997. Т. 4. С. 268–284.

Список литературы

Бедина Н. Н. Книжная пародия как факт средневековой культуры («Слово Даниила Заточника») // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 1-1. С. 99–109.

Бирнбаум Х., Романчук Р. Кем был загадочный Даниил Заточник? (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси) // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 576–602.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Т. 1–2 // Соч. Ф. Буслаева. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1861. Т. 1. 643 с.

Василенко А. Н. Можно ли считать исповедью «Моление Даниила заточника?» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 1. С. 5–9.

Воронин Н. Н. Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Наука, 1967. С. 54–101.

Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII веков. М.: МГУ, 1990. 288 с.

Гуссов В. М. Историческая основа Моления Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. VII. С. 410–419.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996.

Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 201 с.

История русской литературы XI–XVII веков: учебник / под ред. Д. С. Лихачева. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1985. 432 с.

Камчатнов А. М. Лингвистическая герменевтика. М.: Прометей, 1995. 165 с.

Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). М.; Л., 1954. Т. X. С. 106–120.

Лихачев Д. С. «Моление» Даниила Заточника // Великое наследие. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1979. С. 241–258.

Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника: комментарий // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худ. лит., 1980. С. 688–690.

Лихачев Д. С. Литература Древней Руси // Изборник: Повести Древней Руси / Предисловие. М.: Худ. лит., 1986. С. 3–23.

Модестов Е. О послании Даниила Заточника // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. 212, № 11. С. 165–196.

Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. XXV. 464 с.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: АН СССР, 1946. 199 с.

О, Русская земля! / сост., предисл. и примеч. В. А. Грихина. М.: Сов. Россия, 1982. 368 с.

Пауткин А. А. Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы // Stephanos. 2014. № 6(8). С. 55–60.

Рыбаков Б. А. Даниил Заточник и Владимирское летописание конца XII века // Из истории культуры Древней Руси М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 240 с.

Семенюк О. О. Кто был загадочный Даниил Заточник? // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 5. С. 18–21.

Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 72–95.

Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 26–62.

Соколова Л. В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. Изд-во Дмитрий Булавин. 1993. Т. 46. С. 229–255.

Соколова Л. В. Слово Даниила Заточника: Комментарий // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 634–639.

Сыромятников О. И. «И слово плоть бысть...». Вопросы православной поэтики. СПб.: Алетейя, 2022. 436 с.

Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. X. С. 269–280.

Тихомиров М. Н. Русская культура X–XIII веков. М.: Наука, 1968. 447 с.

Ужанков А. Н. Моление Даниила Заточника. URL: <https://predanie.ru/uzhankov-aleksandr-nikolaevich/lekcii-po-istorii-russkoy-literatury-prochitannyye-v-kulturno-prosvetitel'skom-centre-vo-imya-ioanna-zlatoustaslushat/?play=1&ysclid=lnbs4aotg8131290646> (дата обращения: 20.03.2024).

Шевырев С. История русской словесности. М., 1846. Т. I, ч. II. С. 210–213.

References

Bedina N. N. Knizhnaya parodiya kak fakt srednevekovoy kul'tury ('Slovo Daniila Zatochnika') [Book parody as a fact of medieval culture ('The Word of Daniil Zatochnik')]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2019, vol. 9, issue 1-1, pp. 99–109. (In Russ.)

Birnbaum H., Romanchuk R. Kem byl zagadochnyy Daniil Zatochnik? (K voprosu o kul'ture chteniya v Drevney Rusi) [Who was the mysterious Daniil Zatochnik? (on the issue of reading culture in Ancient Rus)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, vol. 50, pp. 576–602. (In Russ.)

Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva. [Historical essays on Russian folk literature and art]. Vols. 1-2. *Sochineniya F. Buslaeva* [Works by F. Buslaev]. St. Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., 1861, vol. 1. 643 p. (In Russ.)

Vasilenko A. N. Mozhno li schitat' ispoved'yu 'Molenie Daniila zatochnika?' [Can Supplication by Daniel the Exile be considered the confession?]. *Vestnik RUDN, seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2011, issue 1, pp. 5–9. (In Russ.)

Voronin N. N. Daniil Zatochnik. *Drevnerusskaya literatura i ee svyazi s Novym vremenem. Issledovaniya i materialy po drevnerusskoy literature* [Old Russian Literature and Its Connections with the New Time. Research and Materials on Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 54–101. (In Russ.)

Gromov M. N., Kozlov N. S. *Russkaya filosofskaya mysl' X–XVII vekov* [Russian Philosophical

Thought of the 10th–17th Centuries]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1990. 288 p. (In Russ.)

Gussov V. M. Istoricheskaya osnova Moleniya Daniila Zatochnika [The historical basis of The Prayer of Daniil Zatochnik]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1949, vol. VII, pp. 410–419. (In Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. St. Petersburg, Diamant Publ., 1996. (In Russ.)

Zarubin N. N. *Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiyam XII i XIII vv. i ikh peredelkam* [The Word of Daniil Zatochnik According to Editions of the 12th and 13th Centuries and Their Alterations]. Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1932. 201 p. (In Russ.)

Istoriya russkoy literatury XI–XVII vekov [The History of Russian Literature of the 11th–17th Centuries]. Ed. by D. S. Likhachev. 2nd rev. ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 432 p. (In Russ.)

Kamchatnov A. M. *Lingvisticheskaya germenevtika* [Linguistic Hermeneutics]. Moscow, Prometey Publ., 1995. 165 p. (In Russ.)

Likhachev D. S. Sotsial'nye osnovy stilya 'Moleniya' Daniila Zatochnika [Social foundations of the style of 'The Prayer' by Daniil Zatochnik]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1954, vol. X, pp. 106–120. (In Russ.)

Likhachev D. S. 'Molenie' Daniila Zatochnika ['The Prayer' by Daniil Zatochnik]. *Velikoe nasledie* [Great Heritage]. 2nd rev. and enl. ed. Moscow, Sovremennik Publ., 1979, pp. 241–258. (In Russ.)

Likhachev D. S. Molenie Daniila Zatochnika: kommentariy [The Prayer of Daniil Zatochnik: Commentary]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII vek* [The Monuments of Literature of Ancient Rus. The 12th Century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 688–690. (In Russ.)

Likhachev D. S. Literatura Drevney Rusi [The literature of Ancient Rus]. *Izbornik: Povesti Drevney Rusi* [A Collection: Tales of Ancient Rus]. Preface. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, pp. 3–23. (In Russ.)

Modestov E. O poslanii Daniila Zatochnika [About the message of Daniil Zatochnik]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1880, pt. 212, issue 11, pp. 165–196. (In Russ.)

Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v. [Moscow Chronicle of the Late 15th Century.] *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collec-

tion of Russian Chronicles]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. XXV. 464 p. (In Russ.)

Obnorskiy S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the Older Period]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1946. 199 p. (In Russ.)

O, *Russkaya zemlya!* [Oh, Russian Land!]. Comp., pref., footnotes by V. A. Griukhin. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1982. 368 p. (In Russ.)

Pautkin A. A. *Drevnerusskaya knizhnost': istoriko-literaturnye al'ternativy* [Ancient Russian bookishness: Historical-literary alternatives]. *Stephanos*, 2014, issue 6(8), pp. 55–60. (In Russ.)

Rybakov B. A. *Daniil Zatochnik i Vladimirskoe letopisanie kontsa XII veka* [Daniil Zatochnik and chronicle writing in Vladimir of the late 12th century]. *Iz istorii kul'tury Drevney Rusi* [From the History of Culture of Ancient Rus]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1984. 240 p. (In Russ.)

Semenyuk O. O. Kto byl zagadochnyy Daniil Zatochnik? [Who was the mysterious Daniil Zatochnik?]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* [Education. Science. Scientific Personnel], 2015, issue 5, pp. 18–21. (In Russ.)

Skripil' M. O. 'Slovo' Daniila Zatochnika [The 'Word' of Daniil Zatochnik]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1955, vol. 11, pp. 72–95. (In Russ.)

Slovo o zakone i blagodati mitropolita Kievskogo Ilariona [The Sermon on Law and Grace by Metropolitan Hilarion of Kiev]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1, pp. 26–62. (In Russ.)

Sokolova L. V. K kharakteristike 'Slova' Daniila Zatochnika (Rekonstruktsiya i interpretatsiya pervonachal'nogo teksta) [On the characteristics of the 'Word' of Daniil Zatochnik (Reconstruction and interpretation of the original text)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitriy Bulavin Publ., 1993, vol. 46, pp. 229–255. (In Russ.)

Sokolova L. V. Slovo Daniila Zatochnika: Kommentariy [The Word of Daniil Zatochnik: Commentary]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 4, pp. 634–639. (In Russ.)

Syromyatnikov O. I. 'I slovo plot' byst'...'. *Voprosy pravoslavnoy poetiki* ['And the word became a body...'. Issues of Orthodox Poetics]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2022. 436 p. (In Russ.)

Tikhomirov M. N. 'Napisanie' Daniila Zatochnika ['Writing' by Daniil Zatochnik]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department

of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1954, vol. X, pp. 269–280. (In Russ.)

Tikhomirov M. N. *Russkaya kul'tura X–XIII vekov* [Russian Culture of the 10th–13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 447 p. (In Russ.)

Uzhankov A. N. Molenie Daniila Zatochnika [Prayer of Daniil Zatochnik]. Available at:

<https://predanie.ru/uzhankov-aleksandr-nikolaevich/lekcii-po-istorii-russkoy-literatury-prochitannye-v-kulturno-prosvetitel'skom-centre-vo-imya-ioanna-zlatoustaslushat/?play=1&ysclid=lnbs4aotg8131290646> (accessed 20 Mar 2024). (In Russ.)

Shevyrev S. *Istoriya russkoy slovesnosti* [History of Russian Literature]. Moscow, 1846, vol. I, pt. II, pp. 210–213. (In Russ.)

‘The Word of Daniil Zatochnik’: Problems of Studying and Ways to Solve Them

Oleg I. Syromyatnikov

Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. pani-perm@list.ru

SPIN-code: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Submitted 01 Apr 2024

Revised 05 Sep 2024

Accepted 07 Sept 2024

For citation

Syromyatnikov O. I. «Slovo Daniila Zatochnika»: problemy izucheniya i puti ikh resheniya [‘The Word of Daniil Zatochnik’: Problems of Studying and Ways to Solve Them]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 169–178. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-169-178 (In Russ.)

Abstract. The article examines the main problems of studying the monument of Russian literature of the late 12th – early 13th centuries *The Word of Daniil Zatochnik*. It should be distinguished from the closely related *The Prayer of Daniil Zatochnik*, which is considered to be a late revision of *The Word*. Until the 16th century, both monuments were very popular and were distributed in numerous copies.

The study of *The Word* began in the 19th century, and a number of problems were identified at that period: it was impossible to unambiguously establish where and when it was written, who its author and addressee were. A considerable problem lies in numerous semantic contradictions, where one judgment is canceled by another. It is generally believed that the reason behind these contradictions is late inserts into the original text. It is not known by whom, when, and why they were made, but thanks to them there is every reason to say that the version of *The Word* known to us had not one, but at least two authors – one wrote the message to the prince, while the other edited it. A separate problem is the combination of quotations from the Holy Scriptures and folklore elements, which is not typical of the period when *The Word* was written, and also the open opposition between some of the author's ideas and the Christian teaching.

According to the author of the article, the inserts were commenting in nature and were made in order to emphasize the traits of *The Word* protograph's author such as pride, vanity, and rationalism. At the same time, the editor of the protograph treated its author not as a private person, but as a representative of an emerging spiritual and moral type that significantly departed from the norms of Christian life. To solve the identified problems, the author of the article suggests using the resources of fideistic literary criticism, making it possible to look at *The Word* from a religious-and-social perspective, as well as to trace its connections with other literary monuments of the period in question.

Key words: Russian literature of the 12–13th centuries; ‘The Word/Prayer of Daniil Zatochnik’; Holy Scripture; fideistic literary criticism; the problem of the author; spiritual and moral type.